

РАДОСТЬ

Отвыкать, что кто-то вечно рядом,
как болячку, морщась, отдирать.
Тихая отчаянная радость,
отделённой цельности ура.

Ничего нет проще и труднее:
распадаться в первозданный свет.
Скорбь бездонна – удержусь над нею,
задержусь в невыросшей листве,

неоттаявших могучих реках
и не прилетевших стаях птиц.
Всё в прорехах. Но в иных прорехах
что-то ведь должно произрасти.

Где бы ни творился беспорядок –
в мире или в сердца глубине –
тихая отчаянная радость
остаётся пусть всегда при мне.

ОБМАНЧИВО

Обманчиво ты крылья подняла,
прилипнув к лампе давнего тепла.
Я знаю, память сердца,
ты не странница.
Болезненно, как острый снег в руке,
как горизонт, приникнувший к реке,
всё тает, тает, тает.
Растворяется!

Мучительно, как дрожь в коленях за
секунду, прежде чем закрыть глаза
и не открыть их по вине случайности.
Маняще, словно пропасть под ногой:
где ты – натянутый, тугой, нагой,
и, как нигде, впадать стремишься в крайности.

И – отрешённо:
всё предрешено.
Рассыпанное звёздное пшено
исчезнет в клюве миллиардолетия.
И будет там и твой заветный свет,
и боль, и грусть, и нежность юных лет –
единственное важное наследие
исчезнет тоже.

ТА, ДРУГАЯ РЯБЬ

Нахожу, ощущая хрупкость минут,
что искристо-нежная рябь реки
так похожа на ту, другую рябь
с тем же цветом и той же нежностью.

Я гляжу в такую же глубину
и движения волн всё так же легки,
и ресницы леса собралась в ряд,
и вот – вот уже лето прорежется.

Но гремит гроза – это знак дурной.
Все разряды, разрывы, надрывы в ней.
Небеса – что ни молния, то строка.
И откладываются рейсы.

Отгремит гроза – воцарится вновь
и тепло, и ласковость летних дней.
Но другую станет уже река,
а глаза с глазами –
не встретятся.

СЕРОСТЬ. ВЕТЕР. МОЛОДОСТЬ. ХВОЙНЫЙ ЛЕС

Серость. Ветер. Больше не холодает.
Лезет птенчик весны из скорлупок-льдин.
Волны сосен, высаженных рядами,
и – по центру – грот. У меня в груди.

Лес согнулся хребтом в холмы и ухабы.
Тучам спины сгибает осадков вес.

Всё теряю. Мне сохранить хотя бы
серость. Ветер. Молодость. Хвойный лес.

ИЗ ДОМА – ДОМОЙ

Из дома – домой. Из привычного города – в город,
который привычнее стократ, если брать по годам.
Весь день будто вечер: дождит. Прибываем нескоро.
Дороги двойная печаль: и не здесь, и не там.

Дрожа то и дело от радости или испуга, –
родимый мой дом, ну какой ты теперь примешь вид? –
прижмусь я ушами к железнодорожному стуку,
как будто бы к сердцу, трепещущему от любви.

Неровные стыки. Неравные планки и шансы.
Судьба затаилась, как хищница перед броском.

И кажется, жизнь – это только искусство прощаться
и таять в тумане, надеясь на новый восход.

ИЩУ ГОРУ

Мной навсегда покинут
томно гудящий город.

Я иду по равнине.
Я ищу на ней гору.

Небо и почва чёрствы.
Прям горизонт, как поребрик.

Но моего упорства
это не поколеблет.

Я хочу найти гору,
чтобы обнять руками

в трещинах, как в узорах,
её измождённый камень.

Чтобы весь мир остался
в этой сети из трещин.

В этом недвижимом танце.
В этой беззвучной речи.

Чтобы стоять с ней рядом –
глыба бок о бок с глыбой.

Чтобы буравить взглядом
будущего изгибы.

КОГДА

Когда моя нога утратит корни
настолько, что ударится в бега,

когда растает всё, что свято помню,
как в дымке исчезают берега,

когда протянутся бессильно руки
вдоль тела, неспособные творить,

когда глаза, ослепнув от разрухи,
окаменеют, словно янтари,

когда совсем уже не будет петься,
поскольку станут все слова пусты,

останется одно сплошное сердце,
и сила, что не даст ему остыть.

ЛОСКУТЫ

...Лоскуты, и расходится ткань, только некому штопать.
Под таким одеялом не спишь – задувают ветра,
и глаза – что родные, что новые – входят, как штопор,
через купол спины в переполненный строками храм.

Не найти нам защиты в пестрящих кусках одеяла,
что разорвано нами же с целью потом перешить,
и пока мироточат иконы болезненно-алым,
мы решились, отчаясь, нырнуть в заключительный шик.

Всё когда-нибудь будет. Отплачут слепые портреты,
лоскутки в одеяле портниха цвет к цвету пришьёт,
и латынь нам подарит какое-то новое кредо:
«feci, quod potui»¹ – это нынче, конечно, старьё.

И пробудится личность, флажки за спиною оставив,
и укроет её в своих ломких руках белизна.
Но пока что она свой протест демонстрировать вправе
только тем, что к стене отвернётся в объятиях сна.

НАКАНУНЕ ОТЪЕЗДА

Накануне отъезда
беспочвенно злят разговоры,
но молчать научиться пока что, увы, нелегко.
Накануне отъезда
ты всем говоришь «буду скоро»,
впрочем, всем не секрет, что нескоро. И что далеко.

Накануне отъезда
отсчитаны дни, как минуты,
как когда ты в гостях и пора уходить по делам,
не сейчас – через час – но уже никакого уюта
и приличней уйти, чем вертеться всё время к часам.

Накануне отъезда
глядишь на деревья вдоль тракта –
золотые печати заката с одной стороны,
а с другой – темнота, и становится холодно как-то,
потому что видна однобокость душевной весны.

На прощание коротко звякает связка с ключами,
упрекая, что сердце ты отдал за холод высот.
Накануне отъезда
уже понемногу скучаешь
по тому, что ещё не покинул, ведь смотришь вперёд.

А ВОЛНЫ

А волны – замираю, не дышу –
сгибают спины закругленной гжелью.
Так хочется, услышав этот шум,
терять лицо в стремительном движеньи.

Как будто искривился горизонт,
становится на время зримым ветер.
Лишь здесь на время отступает сон,
господствующий надо всем на свете.

Простёрший руку властно на слова,
на смех и слёзы, на палитру неба.
Рокочущий простор – за валом вал –
конечно, ускользает от нелепых

попыток усмирить и приручить
его решительность и отрешённость.
В полмира грусть без следствий и причин,
наполненность и с ней опустошённость.

ОБМАН

Долой обман. Ведь всё, что стоит слов,
не символ, а свобода ощущений,
летающих во все стороны, как щебень
из-под колёс больших грузовиков.

На окнах шторы робко теребя,
вливаются в маршрутку свет и воздух.
И лишнего лишённый странный остов,
вдыхая даль, найду внутри себя.

Он будто камень в русле горных вод,
ведь всё течёт, как краска по рифлёной
бумаге. Влажно-серый и зелёный –
так лаконично. Больше ничего
не требуется.

Дождь достиг реки –
остались сосны. Сосны, сосны, сосны.
Им в подражанье внутренний мой остов
как будто зелен свежестью тайги.

СИРОТЛИВАЯ СИБИРЬ

Ветром дышащая глушь
и лесной окраски глухость.
Предвкушенье близких стуж,
новых испытаний духа.

До деревьев эту степь
хочется – как недра комнат,
если проводил гостей –
одинокчеством заполнить.

Но – увы – дыра на шве
между чувством и простором,
и фрагменты деревень
рвутся полем,
рвутся бором.

Сиротливая Сибирь.
Поперёк багряной раны

скоро свой наложат бинт
исцелители – бураны.

ПЕРВЫЕ ДНИ ЗИМЫ

Окна на ночь приходится закрывать,
А с утра – поздней покидать кровать:
так приятно спать, когда простыня
сочетается с новой одеждой дня.
А потом – тяготеть на кухню и там
расставлять все тщательно по местам,
и мучное печь, и посуду мыть.
Это значит – первые дни зимы.

А потом – в ослепшие небеса
просмотреть без малого полчаса
и от них узнать, что твой идеал
так преступно нечист и ничтожно мал –
дёготь осени в белой любви снегов,
зависть осени, тяжесть её долгов,
боль её дождей и деревьев хромых.
Но приходят первые дни зимы.

Замечаешь их, если ты один,
если хоть немного за всем следил,
если кажется, что вот-вот взлетишь.
В эти дни остаётся, не руша тишь,
греться, глядя на холод из-за стекла,
видя, как конденсата капля стекла
по кривому пути, избегая прямых.
Так проходят первые дни зимы.